

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ КАК ФАКТОР МЕЖДУНАРОДНОГО ПРИЗНАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАНИЦ

Козлов Леонид Евгеньевич

*кандидат политических наук, доцент,
Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток*

На длинных временных дистанциях государственные границы редко остаются неизменными. Правительства стараются развивать свои окраинные территории, в противном случае возрастает риск сепарации или аннексии. В Восточной Евразии было несколько примеров в XIX - XX вв.: политика России в Приамурье и Уссурийском крае, цинского Китая – в Маньчжурии, Японии – на Южном Сахалине, Рюкю, Хоккайдо, Тайване и в Корее. Актуальные примеры – это программы России по развитию Дальнего Востока и Байкальского региона, Крыма, Калининградской области, Северного Кавказа, политика КНР в Тибете и Синьцзяне.

Ключевые слова: территориальное развитие, региональная политика, государственные границы, международные отношения

TERRITORIAL DEVELOPMENT AS A FACTOR OF INTERNATIONAL RECOGNITION OF STATE BORDERS

Kozlov Leonid Evgenyevich

*Candidate of political sciences, associate professor,
Far Eastern Federal University,
Vladivostok*

Over long time distances, national boundaries rarely remain constant. Governments try to develop their remote regions, otherwise the risk of secession or annexation increases. In Eastern Eurasia, there were several examples in the 19th and 20th centuries: the policy of Russia in the Amur and Ussuri Region, Qing China in Manchuria, Japan in South Sakhalin, Ryukyu, Hokkaido, Taiwan and Korea.

Actual examples are Russia's programs for the development of the Far East and the Baikal region, Crimea, the Kaliningrad region, the North Caucasus, the PRC's policy in Tibet and Xinjiang.

Key words: territorial development, regional policy, state borders, international relations

История международных отношений свидетельствует о том, что на длинных временных дистанциях государственные границы редко остаются неизменными, как правило, претерпевая изменения в ходе войн. В XIX-XX вв. границы радикально менялись в континентальных масштабах по итогам Наполеоновских войн, колониальной гонки, Балканских войн, Первой и Второй мировых войн, процесса деколонизации и распада социалистического лагеря.

Признание новых границ происходит на основании международных договоров, так что любые современные лозунги об «окончательном решении» того или иного пограничного вопроса и «стратегическом партнерстве» не следует воспринимать как единственно возможное будущее. Из любого договора его участник имеет право выйти, а предупредив об этом других участников за один год, он соблюдет и букву, и дух международного права.

Существовали и существуют политико-правовые концепции, обосновывающие ограниченность территориального суверенитета. В XVII-XVIII вв. таковые, в частности, развивали столько крупные мыслители, как Джон Локк и Эмер де Ваттель. По их логике, земля и её ресурсы даны всему человечеству, и моральное право на владение территорией могут заявлять лишь те народы, которые её обрабатывают. Народы, занимающиеся производящим хозяйством, имеют полное право отбирать земельные владения у тех, кто живёт охотой, собирательством, набегами [3, с. 18-19]. В конце XX в. в рамках концепции устойчивого развития стали высказываться мысли о том, что природные ресурсы являются общим достоянием человечества: «Вообще говоря, ведь нет ни морального принципа, ни естественного закона природы, из которых прямо следовало бы, что такие-то ресурсы принадлежат той или иной нации, на территории которой они оказались» [2, с. 284]. Массовое, злостное нарушение прав человека на рубеже XX-XXI вв. стало считаться достаточным аргументом для международного

вмешательства, т.н. гуманитарной интервенции, т.е. права человека были поставлены выше, чем нерушимость государственных границ. Таким образом, и сегодня поддержание государственного суверенитета над определённой территорией – это непрерывный процесс, хотя и сильно замедлившийся вследствие общей гуманизации международных отношений и появления ракетно-ядерных военных технологий, сдерживающих прямые конфликты между великими державами.

Правительства – особенно, крупных по территории стран – стараются развивать свои окраинные территории, чтобы сохранять там постоянное и лояльное население, в противном случае сталкиваясь с риском сепарации или аннексии. Осознание этой зависимости, как представляется, совпало во второй половине XIX в. с общим интересом к научному изучению территории, выявлению её ресурсов и построению при помощи географических знаний максимально рациональной и эффективной экономики. Известный российский географ Н.В. Зубаревич (МГУ им. М.В. Ломоносова) определяет это явление как геополитический приоритет региональной политики. Для его реализации могут использоваться традиционные инструменты выравнивающей и стимулирующей политики, однако во главу угла ставится именно снижение рисков дезинтеграции страны и удержание контроля над территорией [1, с. 152-153]. Для этого государство инвестирует в развитие приграничных или стратегически значимых регионов. Данная политика сопряжена с повышенными материальными затратами, поскольку на окраинных территориях, наиболее удалённых от рынков сбыта, как правило, более выгодны вахтовый метод производства и эксплуатация природных ресурсов.

В Восточной Евразии было несколько показательных примеров такой политики в конце XIX - первой половине XX вв. В 1858-1860 гг., используя внешнеполитические проблемы Китая после Опиумных войн, Россия приобрела в своё владение левый берег реки Амур и Уссурийский край. Новая территория тщательно исследовалась и заселялась в приказном порядке солдатами и казаками, а затем и в добровольном порядке крестьянами, получавшими различные материальные стимулы. К XX в. население Востока России превысило 1 млн человек, а внутреннее производство и морская торговля выросли настолько, что был отменён режим

порто-франко. При этом освоение собственной территории центр финансировал намного меньше, чем временные владения в Маньчжурии. Первые успехи колониальной гонки на Дальнем Востоке вскружили голову российской элите и привели к неудачной войне с Японией. После этого правительство России признало ошибочной всю прежнюю политику на Дальнем Востоке и взяло курс на сотрудничество с Японией, однако огромные ассигнования всё равно были направлены на строительство Транссиба и военных укреплений на Тихом океане и на стимулирование крестьянской иммиграции [4].

В 1920-е годы ввиду дефицита средств правительство Советской России предоставило Дальнему Востоку расширенную свободу торговли, но после активизации Японии в Маньчжурии границы России в бассейне Амура вновь закрылись, а азиатские диаспоры были депортированы. На Востоке России в это время быстро создавались новые укрепленные районы и военные заводы, расширялась геологоразведка и добыча минеральных ресурсов. На эти работы массово направлялись заключённые ГУЛАГа и ссыльные крестьяне. Обслуживание ленд-лиза во Второй мировой войне стимулировало развитие в регионе всех видов транспорта [4].

В 1950-1960-е годы милитаризация Востока России продолжилась: вначале на фоне противостояния с США, затем – с Китаем. Здесь размещались стратегические вооружения и вспомогательные военные части, в связи с чем осваивались и заселялись регионы с экстремальным климатом. Численность военной группировки здесь доходила до 1 млн. человек. В качестве запасной железной дороги на случай войны с Китаем была построена Байкало-Амурская магистраль. Население Востока России выросло примерно до 13 млн. человек, но приграничные районы специально не заселялись, дороги там не строились, крупные предприятия не создавались, чтобы затруднить возможное вторжение. Абсолютное большинство производственных цепочек связывало Восток России с другими регионами СССР, а не с азиатскими соседями.

В Японии в конце XIX - первой половине XX вв. политика развития периферии, захваченной в результате успешных войн с Китаем и Россией, начиналась военными. Везде, кроме Сахалина и

Хоккайдо, она сопровождалась интенсивной японизацией, ограничением развития местного языка и культуры. Повсюду японцы вели масштабное строительство всех видов транспортных коммуникаций, почтовой связи, школ и больниц, что благотворно сказывалось на положении местных жителей, но конечной целью этого было построение богатого природными и людскими ресурсами государства.

Целенаправленное освоение периферии началось с Хоккайдо, которое надо было оградить от русских притязаний. Колонизационное управление Хоккайдо, взяв за образец российских казаков, создало сеть поселений военных, которые наделялись участками для ведения сельского хозяйства. Также на Хоккайдо ссылали и наделяли участками оппозиционных самураев. В освоении Южного Сахалина и Курил главной задачей было формирование постоянного населения, которое в итоге превысило 0,3 млн. человек. Ставка в развитии экономики здесь была сделана на лесную и рыбную промышленность [4].

Японское правление в Корее в 1905-1945 гг. сопровождалось подъёмом экономики и демографии, но региональный политический процесс постоянно сопровождали протесты, партизанская борьба, теракты, антияпонская пропаганда эмигрантов. В развитии экономики Кореи японские власти делали акцент на сельском хозяйстве и добыче минеральных ресурсов. Во Второй мировой войне Корея изначально была лишь тыловой базой, но успешная японизация позволила рекрутировать некоторое число корейцев в ряды имперской армии [6].

Политика Токио по отношению к Рюкю была эксплуататорской. Ситуация в местной экономике была тяжёлая, сформировалась монокультурная специализация на производстве сахарного тростника. Коренное население массово мигрировало в поисках лучшей жизни на остров Хонсю и за рубеж. Во время Второй мировой войны японское правительство не имело доверия к местным жителям и эвакуировало их в более контролируемые регионы [9]. Тайвань, напротив, стал витриной японской региональной политики. Более гибкое политическое управление и государственные инвестиции в инфраструктуру и социальную сферу сформировали на Тайване диверсифицированную и процветающую экономику [8]. После Второй мировой войны японцы были эвакуированы из Кореи, Тайваня и Сахалина в Японию.

Китай ещё в середине XIX в. столкнулся с угрозами дезинтеграции, однако ограниченные ресурсы и общая отсталость управления не позволяли династии Цин и правительствам милитаристов осуществлять комплексные контрмеры. Правительство Чан Кайши после стабилизации своего положения подготовило планы развития периферии, но их сорвала японская интервенция [4].

Актуальные примеры геополитически детерминированной региональной политики России – это федеральные целевые программы по развитию Дальнего Востока и Байкальского региона, Крыма, Калининградской области, Северного Кавказа. В частности, на Дальнем Востоке в постсоветский период доминирующее положение во внешней торговле заняли страны Восточной Азии. Международная торговля стала главным источником выживания региона и создала здесь весьма самостоятельные политико-криминальные элиты. В 2000-е годы правительство РФ, получая большие доходы от экспорта нефти и газа, постаралось поставить под контроль местную элиту и сделать из Владивостока витрину российской дипломатии в Азии. Огромные средства были направлены на проведение во Владивостоке саммита АТЭС-2012, в том числе на постройку нового кампуса Дальневосточного университета, трёх мостов и нового аэропорта. Для развития Востока и Арктики центр разработал две стратегии и более 30 новых законов, а также создал специальное министерство. Самые крупные инвестиции на душу населения были сделаны на Курилах как ответ на территориальные претензии Японии.

Также на рубеже XX – XXI вв. активно занялось развитием окраин правительство КНР. В Синьцзяне, Тибете, Гонконге довольно сильны сепаратистские настроения, борьба с которыми осложняется тем, что многие зарубежные правительства, в особенности в Европе и США, критикуют КНР за нарушение там прав человека. Мусульмане Синьцзяна имеют поддержку от неправительственных, в том числе радикальных, организаций исламистов. Претензии Тибета на восстановление независимости находят отклик в Индии.

КНР, действительно, применяет суровые методы в борьбе с сепаратизмом, прежде всего, в Синьцзяне, где используются все современные технические возможности слежки за людьми, жёстко контролируется передвижение даже между городскими квартала-

ми, допуск иностранцев в регион ограничен. Коренные жители периодически проходят идеологическое воспитание в специальных лагерях. Акции протеста немедленно пресекаются. Несмотря на бесспорный рост социально-экономических показателей Синьцзяна, подпольная оппозиция там сохраняется [5]. Массированное строительство инфраструктуры транспорта, связи, энергетики ведётся по всей стране, но на национальных окраинах его политический эффект особенно заметен: социальные связи становятся более крепкими, возможности личного роста жителей окраин в рамках китайского государства расширяются. Распространение китайского языка и миграция ханьцев на национальные окраины дополнительно укрепляют эти связи [7].

Развитие технологий дистанционного контроля над границей, высокоточных вооружений и беспилотной военной техники, с одной стороны, ставит вопрос о том, не является ли подобная региональная политика инерцией XIX-XX веков. Действительно, вышеперечисленные средства могут оказаться более дешёвыми и результативными способами удержания контроля над окраинами, чем массированные государственные инвестиции в те регионы, куда не хочет идти по доброй воле частный бизнес. С другой стороны, отсутствие постоянного населения и нормальной гражданской экономики на окраинах государства в любом случае будет провоцировать внимание зарубежных стран к terra nullis, что будет опасным для государства в долгосрочной перспективе.

Список литературы

1. Зубаревич, Н.В. Эволюция приоритетов региональной политики России // Вопросы географии. Сб. 141: Проблемы регионального развития России. М.: Издательский дом «Кодекс», 2016. С.151-165.
2. Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1985. 311 с.
3. Рувинский, Р.З. Правовая идеология европейского либерализма и британский колониальный правопорядок в XVIII-XIX веках: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2011. 29 с.
4. Этнокультурные и социально-экономические проблемы освоения смежных территорий Северо-Восточной Азии: российский Дальний Восток, Северо-Восточный Китай, о. Хоккайдо

(Япония) (XVII – первая половина XX в.). Владивосток: Изд-во «Рея», 2013. 256 с.

5. Anand, D. Colonization with Chinese characteristics: politics of (in)security in Xinjiang and Tibet // Central Asian Survey. 2019. Vol. 38, Issue 1. Pp. 129-147.

6. Dudden, A. Japan's Colonization of Korea: Discourse and Power. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2006. 232 p.

7. Guo, R. China's regional development and Tibet. Singapore: Springer, 2016. 195 p.

8. Ka, C.-m. Japanese colonialism in Taiwan. Land tenure, development, and dependency, 1895-1945. New York: Routledge, 1995. 256 p.

9. Kerr, G.H. Okinawa: The History of an Island People. Clarendon: Tuttle Publishing, 2011. 592 p.